

Первухин Михаил Константинович

**У самого берега синего
моря**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Константинович П.**
У самого берега синего моря / Первухин Михаил Константинович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 162 с.

ISBN 978-5-521-27545-8

ISBN 978-5-521-27545-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

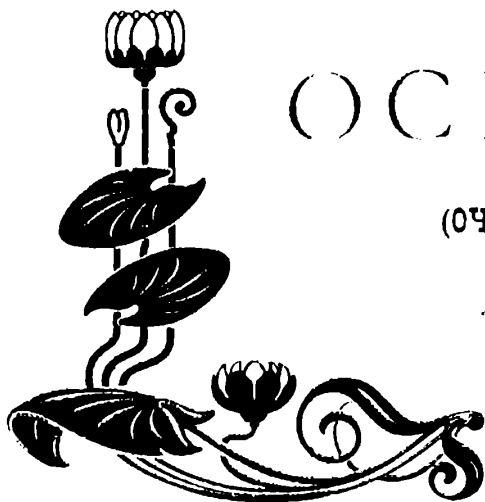
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОСЕНЬ.

(ОЧЕРКЪ).

Какъ то въ Ялтѣ, утромъ, идя къ морю, я вдругъ услышалъ странные для „яснаго берега“ звуки. Гдѣ то далеко пѣлъ огромный нестройный хоръ, даже не пѣлъ, собственно, а почти голосилъ, горланилъ.

Что такое? Если это солдаты идутъ полкомъ, то они пѣли бы дружныѣ, толковѣе. Да и голоса то высокіе женскіе... Вотъ, точно отмѣтный голубокъ изъ стаи, вырвался и понесся въ высь тончайшій звукъ, такой острый, такой тонкій, какъ лезвее ножа, какъ невидимая паутина „бабьяго лѣта“... Вотъ-вотъ, оборвется, сольется съ общою массою женскихъ голосовъ, утонетъ въ этой массѣ...

Бабы голосюгъ, дѣвки то есть, — обернулся ко мнѣ шедшій по одному со мною направленно борода-

тый портовый оборванецъ изъ персонажей Максима Горькаго.

— Ну, и голосють же, шельмы! Ну, и визжать, проклятыя! Ха-ха-ха! Кошкѣ на хвостикъ ножкою какъ наступишь,—такъ она, кошка эта самая, такъ завизжить! И то едва ли сумѣетъ. Ха-ха-ха! Слышите? Выводить то, выводить хальцетикомъ одна, фистулою... Ахъ ты, чтобъ тебя! Такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ!

Пѣвица, дѣйствительно, положительно „рѣзала“ свѣжій прозрачный морской воздухъ своимъ „хальцетикомъ“.

Мнѣ казалось, что еще секунда,—я заверну за уголъ улицы, я окажусь на аристократической Набережной, и прямо наткнуся на группу „дивчаточекъ-голубочекъ“ „съ-підъ Полтавы“, наткнуся на голосящую Хиврю или Мотрю „зъ Сватовой Лучкы“ або „зъ Песочина“. Вотъ я и на Набережной. Что же это? Нѣтъ моихъ „дивчаточекъ“. Нѣтъ Мотри, Хиври, Горпиночки или Катри...

А нестройная пѣсня все звенить сотнями голосъ, а высочайшій и тончайшій „хальцетикъ“ все рѣжетъ свѣжій воздухъ...

— На пароходѣ, шельмы, пѣсни играютъ!—пояснилъ мнѣ собесѣдникъ.—Еще-бы! На волю вышли, на свободу, съ каторжныхъ работъ, съ плантажей турецкихъ... Тутъ и не такъ завизжишь, и не такъ урѣжешь! Доведись хоть на кого. Примѣромъ сказать,—явился бы ко мнѣ на пристань какой нибудь господинъ приличнаго званія, въ пальтѣ, съ цилиндромъ, портфельчикъ подъ мышкою, при часахъ и при галошахъ.

— Вы будете почетный гражданинъ города Царевкокайска, Сидоръ Ермолаевичъ Ползаборовъ? Вы? Такъ имѣю къ вамъ фиціальное дѣло секретнаго ха-

рактера. Такъ и такъ. Вышло вамъ наслѣдство: сорокъ тысячъ чистоганчикомъ, да пароходъ на Волгѣ, да пристань, да хутора... И лошади при этомъ... Извольте преобразаться въ приличный вашему нынѣшнему почетному званію костюмчикъ и пожалуйста къ нотаріусу Фроловъ-Багрѣву... Думаете, я бы не завизжалъ? Ого! Такого хальцетику подпустилъ бы, что на всѣхъ трембакахъ въ портѣ течъ бы открылась... Ого-го! А эта самая шушера турецкой націи, что тамъ на молу зѣвается, — такъ и посыпалась бы съ молу, какъ груши... До кого доведись, завизжишь, заголосишь отъ радости. Дѣвки эти самая точно наслѣдство получили сорокатысячное, по случаю того, что ушедши съ плантажей. Ей Богу! Даже лучше наслѣдства: вольную волюшку... Ну, тамъ обсчитали ихъ, пошарпали, — приказчикъ обсчиталъ, — это разъ. Потомъ кладовщикъ, что провизію отпускалъ, это два. Потомъ самъ Мустафа подлецъ, хозяинъ плантажный, не додалъ — это три... Вы какъ думаете? Вотъ она, вольная! Ишь голосить то, выводить, вверху забираетъ... Ишь, какъ, ее!

Рѣчь моего собесѣдника вдругъ покрылъ мощный гудокъ приготовившагося отчаливать парохода, точно клубомъ вырвавшійся изъ колоссальной черной трубы. Звуки этого гудка широкою волною разлились по морю, отдаваясь глухимъ эхомъ въ отдаленномъ горномъ ущельѣ, гулко перекатываясь надъ пріютившимся у берега лазурнаго моря городкомъ, надъ извивающимся лентою пыльнымъ шоссе и оголенными виноградниками...

Пароходъ ревѣлъ, какъ раненный звѣрь. Что-то тревожно и бурно клокотало въ его мощной груди, точно стремясь выйти наружу, и не находя исхода, и разбиваясь въ безцѣльныхъ усиліяхъ.

Звуки гудка все ширились и росли, и мнѣ все казалось, что на темномъ фонѣ ихъ золотистою струйкою все-таки продолжаетъ звенѣть молодой женскій голосъ, по своему поющій нестройный, но могучій гимнъ счастью свободы, счастью недолгой воли...

— Настя! Голубочка! Ахъ ты, Господи Боже! Садись на пароходъ! Голубочка, рыбочка! Ну, сядь же, сядь!—кричитъ, высунувшись надъ бортомъ, пассажирка въ сильно полинявшей розовой кофтѣ съ продранными локтями и въ ярко желтомъ платкѣ. На молодомъ и некрасивомъ лицѣ ея, худомъ, смугломъ и рябоватомъ,—яркими чертами написанъ настоящій ужасъ, настоящее, непридуманное горе, настоящая жалость.

— Голубочка, рыбочка! Ой, Господи Боже мой! Да что же ты дѣлаешь,—Настя?! Садись, говорю я тебѣ. Слышишь? Сейчасъ садись. А то сходню примутъ... Третій гудокъ сейчасъ. Господи Боже мой! Что я дѣлать буду? Прямо, хоть въ воду бросайся. Настя! Подумай только... Мамынька добрая, онѣ простятъ... Настя, доня моя, голубка... Какъ я къ мамынькѣ на глаза покажусь? Что я про тебя скажу, гдѣ я тебя оставила? Батя спросятъ,—гдѣ донька? Гдѣ Настя? Что имъ скажу? Настя, голубко! Да садись же ты!.. Ну, судить будутъ мамынька съ батюю, ну, казнятъ какъ,—такъ свои же?! Не убьютъ, не сгубятъ! Слышишь, Настасья! Говорю, садись! Лучше послушайся. Ну, я впередъ пройду до хутора,—скажу ты на селѣ осталась, ногу занозила, идти не можешь, а сама мамынькѣ все выскажу. И какъ билъ онѣ тебя, Маметка, и какъ смѣялись всѣ, и какъ запирали... Мамынька поймутъ... Слышишь, Настя?! Садись, садись... Я скажу, какъ подсыпалъ онѣ порошка какого-то... Ей Богу,

скажу!.. Чего мнѣ бояться? Сышишь? Мамынька съ батею поговорять... Настя, Настя! Да скажи же ты хоть словечко!

Та, къ которой обращена была эта горячая, убѣдительная рѣчь, стояла въ двухъ шагахъ отъ меня, тупо глядя на сверкающее подъ лучами солнца лазурное море, на синѣющія дали и темную массу готового къ отправленію огромнаго парохода, увозящаго изъ Крыма на далекую суровую родину сотни ея подругъ. Она стояла въ полъ-оборота ко мнѣ, такъ что я могъ вполне рассмотреть ея лицо. Это было лицо молоденькой дѣвушки, почти ребенка. Надъ красивымъ выпуклымъ лбомъ чуть трепеталъ курчавящійся локонъ изъ-синя-черныхъ волосъ, выбившійся изъ подъ ветхаго темнаго платка.

Красивыя дугообразныя брови странно, по дѣтски, изогнулись надъ задумчивыми глазами,—будто эти ясные глазки готовы вотъ-вотъ наполниться жгучими слезами.

Алый ротикъ съ строгими и скорбными очертаніями, маленькія розовыя уши, легкій румянецъ на щекахъ, округлый подбородокъ,—такое лицо, всѣ черты котораго такъ и просятся на полотно..

— Настя, Настя! Грѣхъ тебѣ будетъ, большой грѣхъ! Слышишь? Убьешь ты мамыньку! Ей Богу, убьешь. Что я имъ скажу? Съ туркомъ проклятымъ связалась, домой идти не хочетъ, ребенка подъ сердцемъ носить...

Точно хлестнулъ кто кнутомъ Настю. Она вздрогнула, съежилась, совсѣмъ закуталась темнымъ платкомъ, скрывшимъ миловидныя черты ея юнаго личика.

Проклянетъ мамынька. Вотъ, побожусь, проклянетъ. И тебя проклянетъ и ребеночка, и меня...

Да развѣ я винна? Развѣ я знала? Господи... Они же меня угнали на другой плантажъ, чтобы я за тебя не заступилась... Я бы глаза имъ повыцарапала, я бы ножемъ ихъ порѣзала, если бы знала, что они тебя сгубить задумали... Господи. Боже ты мой! Настя, Настя! Вотъ сейчасъ гудокъ третій будетъ, сходни пріймутъ... Слышишь ты? Не слышишь? Проклятая будь, проклятая...

Настя опять вздрогнула. Черный платокъ сползъ съ ея головы, и помертвѣвшее личико стало видно все.

— Видишь, видишь?! Даже я тебя проклинать стала, голубочку свою, ясочку! Прости же ты меня. Слышишь? Прости, говорю... Не я клянѹ, не я сержусь, горе мое клянеть... Слышишь? Иди, говорю. Поѣдемъ... На себя грѣхъ прійму. Скажу, я тебя продала турку проклятому, я сама подпоила тебя... Слышишь? Только иди. Пусть меня батя ногами топчутъ, пусть меня мамынька проклинаютъ. Пусть хоть убьютъ. Слышишь? Только иди на пароходъ. Иди же, голубко, ясонько.. Горпинка изъ Новой-Водолаги ѣдетъ же? А она тоже тяжелая, прости Господи! А отецъ у нея строгій, сердитый забьетъ прямо. А вотъ ѣдетъ же? Катря Гусаренко ѣдетъ. Сама говорила: какъ узнаетъ про мой стыдъ Ивась Холоденко, не жить мнѣ. Зарѣжетъ.

А, вотъ, ѣдетъ же?! Отчего же тебѣ не ѣхать? Слышишь! Настя, голубочко, ясонько...

Что-то тревожно зарокотало въ груди великана парохода, прорываясь въ огромную черную трубу, загудѣла труба хрипло, точно прочищая свое желѣзное горло, словно пробуя свои силы,---и оборвалась...

--- Третій гудокъ, третій гудокъ.

Мощный, могучій звукъ точно клубами вырывается изъ трубы и разстиляется, расплывается надъ при

станью, надъ колыхающимися барками, надъ городкомъ и холмами, отдаваясь глухимъ эхомъ въ горныхъ ущельяхъ.

Разъ... два... три...

Третій гудокъ, третій гудокъ.

Сходня принята. Теперь ни на пароходъ, ни съ парохода никого не пустятъ.

Порвана связь между пароходомъ и берегомъ.

Оборвалась связь между толпою, уплывающею на родину, и этой дѣвушкою, почти ребенкомъ, одиноко стоящею на пристани, незамѣчающею, что платокъ сползъ съ красивой юной головки, что легкій вѣтерокъ треплетъ непослушную прядь волосъ, что мертвенно блѣдное красивое личико привлечастъ общесъ вниманіе.

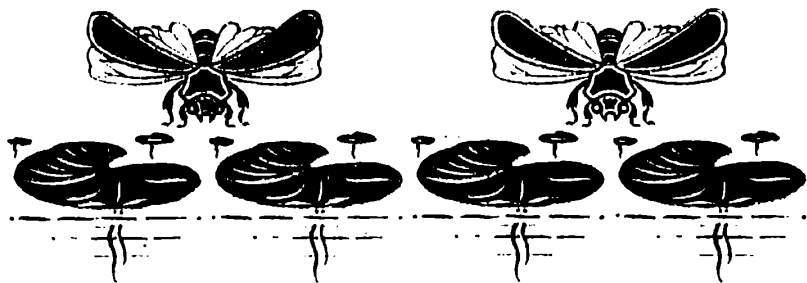
Забурлилъ за кормою могучій винтъ. Пароходъ тронулся, чуть замѣтно отходя отъ пристани.

Настя, Настя! Господи Боже мой! Настя моя, Настя! Слышишь? - раздался отчаянный вопль у борта парохода.

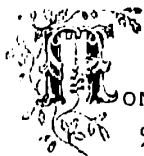
Въ то же время грянулъ звонкую пѣсню молодой женскій голосъ. Другой присталъ къ нему, третій... Вся толпа поетъ. Всѣ поютъ. И Горпинка изъ Новой-Водолаги, которую ожидаетъ судъ суроваго „батька“, и Катря Гусаренко, и Хивря, и Маруся...

Пароходъ идетъ все быстрѣе и быстрѣе, оставляя за кормою полупрозрачную зеленовато-бурую бурлящую полосу съ мириадами вскипающихъ и исчезающихъ безъ слѣда бѣлыхъ пузырьковъ...

„Лозовая“.

омню, какъ то я ѣхалъ на югъ, въ красавицу
Ялту, изъ пыльнаго и грязнаго Харькова.

Въ Харьковѣ меня провожали товарищи.

Около Лозовой, смотри, остороженъ будь: какъ
липку обдеруть!—говорилъ одинъ.

Берегись, голубчикъ! Съ незнакомыми не схо-
дись. Говорятъ, они предлагаютъ закусить. Ради Бога,
не ѣшь ничего: въ ѣдъ сонныя капли подмѣшаны!—
говорилъ другой.

Съѣшь, задремлешь, а тебя... Ну, ты самъ
узнаешь, какъ могутъ около „Лозовой“ обобрать.

Не соблазняйся, если кто выпить предложить!—
менторскимъ тономъ говорилъ третій.

Даже чаю не пей, если не самъ сго добудешь.
Потомъ, избѣгай ты курящихъ. Сядь въ вагонъ для
некурящихъ, и если кто съ папиросою или сигарою,
такъ ты того...

Что именно?

Ну, какія-нибудь мѣры... Жандарма зови, что-
ли. Словомъ, какъ-нибудь. А то, знаешь, начнетъ та-

кой субъектъ курить, а отъ его дыму голова закружится, ты задремлешь, и того... Какъ липку...

— Дамамъ не довѣрайся. Среди нихъ есть дамы. Огонь, а не женщины. Сядетъ возлѣ тебя такая. Одинъ восторгъ. Глазки, ручки... Смотри, ты, братъ, мягче воска въ такихъ случаяхъ, а онѣ не дремлютъ. Она, братъ ты мой, знаешь, сейчасъ вынетъ платокъ, хлороформомъ пропитанъ. Ну, и того... Такъ слышишь? Больше огня—милыхъ дамъ бойся въ поѣздѣ. За „Синельниковымъ" —тамъ тихо. „Они" только до „Синельникова" оперируютъ.

Такъ говорили всѣ провожавшіе меня, и я начиналъ чувствовать, какъ у меня, при одномъ упоминаніи имени роковой „Лозовой", сердце сжималось мучительной думой и въ глазахъ темнѣло. А кругомъ слышались все тѣ же рѣчи, все о „нихъ", все о томъ какъ „они" оперируютъ около „Лозовой", какъ „они" обираютъ беззаботныхъ пассажировъ.

Маничка, голубка!—говорилъ неуклюжій мѣшковатый пожилой господинъ молоденькой хрупкой блондинкѣ. Ради Бога, будь осторожна. Около этой „Лозовой", знаешь ли... „Они" говорятъ, очень часто заманиваютъ молодыхъ женщинъ, и потомъ...

Что же потомъ, папочка?—съ плутовскою миною спрашивала хорошенькая Маничка.

Потомъ?—растерялся онъ, —потомъ? Н-не знаю... Кажется, въ Аргентину продаютъ, въ гаремы...

Ахъ, Жанъ, какой ты смѣшной! Вѣдь, гаремы —это въ Турціи и Персіи, а Аргентина—страна свободы.

— Ну, не фрондируй, не фрондируй! Ты географію недавно учила, а я... Да и гаремы, въ сущности, вездѣ есть, даже у насъ, въ Харьковѣ. Особенно бойся, Ма-